

Полуляшина Дарья Игоревна

соискатель

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

**РОМАН «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В ОЦЕНКЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

Аннотация: данная статья посвящена подробному анализу и сопоставлению различных трактовок романа «Герой нашего времени» в работах видных критиков первой волны русской эмиграции Г. Адамовича, Б. Зайцева и К. Мочульского. В статье использованы приемы сравнительно-исторического и системно-типологического анализа, позволяющие, с одной стороны, детально рассмотреть тексты критиков, с другой стороны, сравнить концепции авторов, найти переклички, созвучия и различия.

Ключевые слова: первая волна русской эмиграции, М.Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», Г. Адамович, Б. Зайцев, К. Зайцев.

Георгий Адамович, один из самых видных литературных деятелей первой волны русской эмиграции, писал: «Последний, важнейший долг нашей жизни – передать в Россию или даже хотя бы только сохранить для России все то, что после самых строгих внутренних проверок представляется нам великим духовным сокровищем, то, ради чего мы изгнанниками и оказались» [1, с. 4]. В стремлении сохранить и передать потомкам «великое духовное сокровище» представители русского зарубежья обратились к наследию двух национальных поэтов – Пушкина и Лермонтова.

В условиях полной свободы, с одной стороны, и оторванности от Родины, с другой, эмигранты по-новому взглянули на личность и наследие М.Ю. Лермонтова, непосредственно связывая его облик с образом любимой России. Одной из

центральный тем, привлекавших внимание исследователей, стала оценка творчества М.Ю. Лермонтова.

В данной статье мы обратимся к изучению той части эмигрантской критической литературы, которая посвящена интерпретации одного из центральных произведений М.Ю. Лермонтова – романа «Герой нашего времени».

«Замечателен его <Лермонтова> след в нашей прозе» [4, с. 75], – пишет Борис Зайцев в статье «О Лермонтове». Пожалуй, под этими словами подпишутся практически все критики первой волны русской эмиграции, писавшие о романе. Сравним, например, высказывание Б. Зайцева с текстом Г. Адамовича: «Что это, кстати, за чудо, этот «Герой»! Что за гениальная вещь!» [4, с. 88]. К. Мочульский замечает: «В романе «Герой нашего времени» русская повествовательная проза достигает высокого совершенства» [4, с. 105]. Наконец, К. И. Зайцев статью «О «Герое нашего времени» начинает так: «Едва ли существует произведение русской литературы, способное с большим правом, чем «Герой нашего времени», открыть серию «Шедевров русской прозы». Век целый стоит оно, и за весь этот немалый срок не умолкает хвала, воздаваемая Лермонтову как автору «Героя нашего времени» [4, с. 109].

Борис Зайцев при анализе прозаического наследия Лермонтова акцентирует внимание на форме произведения. Признавая бесспорное влияние пушкинской прозы на лермонтовскую, автор пишет, что Лермонтов «не только научился, а и дальше двинул этот род литературы» [4, с. 75]. Проводя сопоставительный анализ отрывков из «Путешествия в Арзрум» и «Героя нашего времени», Зайцев делает следующий вывод: «У Пушкина совсем иной прием, ритм, фразы поставлены иначе и звучат иначе. Вместо пушкинских суховато-кратких, малокрасочных и как бы стилизованных «главных предложений» – здесь начало спокойной реки (русского романа), с описаниями, красками – тем, без чего роман обойтись не может. Разумеется, в последнем счете наш роман восходит к «Капитанской дочке». Все-таки... Прозу Пушкина можно очень любить и высоко ставить, но в

общем это проза поэта, а не романиста... Лермонтов дальше, чем Пушкин, двинул изобразительную возможность прозы. Будто и парадокс – но в этой сумеречно-тайной и скорбной душе больше сидел настоящий романист, чем в Пушкине» [4, с. 76]. На эту особенность прозы Лермонтова, с одной стороны, восходящей к пушкинской, с другой, создавшейся в традициях совершенно нового типа повествования, по следам которого пойдут великие романисты Тургенев и Толстой, обратили внимание и другие авторы. Так, Георгий Адамович пишет: «...до Льва Толстого никому у нас и не снилось писать на такой высоте» [4, с. 88].

В статье Адамовича «Лермонтов» дана интерпретация образа главного героя романа. Его размышления о характере Печорина – продолжение мыслей о характере самого Лермонтова. Адамович полностью отождествляет героя с его создателем: «Нельзя читать без волнения рассказ о дуэли Печорина, о его настроении перед поединком, который мог бы оказаться для него роковым; о его чувствах, о его поездке верхом, на рассвете, к месту встречи; нельзя отделаться от впечатления, что *Лермонтов рассказывает это о себе, заглядывая в будущее, оставляя нам какой-то незаменимый документ*» [4, с. 88].

Двойственной натуры Лермонтова отмечали еще при жизни поэта. Он писал необыкновенно искренние стихотворения, выражавшие его настоящие чувства, и в то же время обронялся от непонимающей черни злым языком и насмешливым взглядом. Для Печорина автор, по мнению Адамовича, избирает сходную модель поведения. «Несомненно, что Лермонтов всегда чувствовал себя окруженным врагами и, оброняясь, опасаясь выдать свою слабость, упорствовал в выбранной позе. Случалось ему и «махать мечом картонным», после чего, как бы в припадке раскаяния, он произносил слова настолько глубокие и простые, что над книгой невольно протираешь глаза: тот ли человек написал это? Кто привык представлять себе Лермонтова «байроненком» или доморощенным демоном, пусть вспом-

нит «Люблю отчизну я» [4, с. 87], – так пишет критик о романтическом и реалистическом началах личности. Сравним эти слова с высказыванием о Печорине: «Печорин умен и душевно взросл, как никто. А вместе с тем какая безвкусица в его показном, наружном поведении, как он близок к своей карикатуре, Грушницкому, в нелепой интриге с бедной милой княжной! То, что писано для «райка», в представлении Лермонтова, наполненного насмешливыми недоброжелателями, почти простодушно в желании ошеломить и напугать, а все другое так верно, так проницательно и так чудесно сказано, что до Льва Толстого никому у нас и не снилось писать на такой высоте» [4, с. 88]. Для Адамовича главный герой романа «Герой нашего времени», его дневниковые записи стали возможностью заглянуть во внутренний мир Лермонтова, попытаться разгадать его душу и мысли.

Борис Зайцев вслед за Георгием Адамовичем отмечал высокую художественность «Тамани», которая близка к зарисовке красками (вспомним, что Лермонтов был прекрасным художником, первым в русской живописи запечатлевшим Кавказ в всем его многообразии). «Тамань» стала в русской прозе образцом поэтической прелести: это ведь первый русский рассказ, в котором каждое слово пахнет морем, влагой, ночью, чем-то зеленым, южным, прохладным. Вспомним тоже, что до Лермонтова никто всего этого у нас не уловил», – пишет Адамович [4, с. 88]. Вторя ему, Зайцев отмечает: «Превосходна «Тамань». Эта небольшая повесть прославлена справедливо. Тут именно *все* написано: заброшенная лачуга контрабандистов, море, слепой мальчик, «Ундина» и сам Печорин (не раздражает). На всем лежит загадочный отблеск луны, странной песенки девушки. Дыхание моря всюду разлито. Все естественно, просто и вместе таинственно» [4, с. 76].

Примечательно, что К. Зайцев одним из первых обратил внимание на связь лермонтовской прозы с западноевропейской литературой. Хотя это замечание носит характер заметки, но, думается, заслуживает внимания: «По форме же это «новелла», с легкой экзотикой, как корсиканские новеллы Мериме. Может быть,

---

вообще к Мериме идут от «Тамани» некоторые нити (собственно русскому «рассказу» не близок склад западноевропейской новеллы)» [4, с. 77]. Отметим также, что в «Лермонтовской энциклопедии» в числе авторов, разрабатывавших эту проблему, отмечены имена А. Виноградова, Н. Пиксанова, М.П. Алексеева, датированные серединой XX века.

К.И. Зайцев, производя разбор романа в статье «О «Герое нашего времени», делает краткий экскурс в историю изучения произведения от критических работ В.Г. Белинского до заметок А.П. Чехова. Затем прослеживает историю публикаций отдельных глав романа. Главная цель данной статьи – раскрыть образ Печорина. Сначала Зайцев следует за мыслью автора и отмечает, что главный герой находится в духовном родстве с Онегиным, что «болезнь века» господствует в его душе. Но всеми этими уже известными фактами и утверждает, что этот образ резко отличается от многочисленных «героев своего времени». По мнению автора, «ощущается в нем нечто *нечеловеческое*, а вместе с тем – *мертвящее*» [4, с. 112]. В Печорине находится «Дух Зла»: «Бездонная пустота духа, наполняемая деятельностью без Цели! Ведь это и есть *существо Зла*, в его противопоставлении *подлинному*, то есть утвержденному в Боге бытию. Только рассматривая Печорина в этом плане, можно понять своеобразную литературную «недудачу» гениального романа, в котором *все живет... кроме его «героя»*, и только отсюда можно уразуметь странную привлекательность этого странного героя, одно прикосновение которого *мертвят все живое*» [4, с. 113]. И этот Дух, по убеждению Зайцева, находился внутри самого автора, он был «одержим злом». В основе этой одержимости, по Зайцеву, лежала «красота зла», которая «соблазняла и прельщала» Лермонтова. Борясь со злом, создавая своих главных героев – Демона и Печорина, он пытался показать подлинную природу зла и казнить его. Однако в своих интерпретациях Лермонтов не мог уйти от любования эти злом, а потому и рождалась «двусмысленность» образа Печорина.

Как и Г. Адамович, К. Зайцев пишет о сходстве героя с его создателем, приводя в пример воспоминания современников («Нельзя без волнения воспринимать во внешности Печорина многие характерные черты, слово в слово совпадающие с теми, которые людьми, лично знавшими Лермонтова, приписывались ему. Это волнение принимает мистический характер, поскольку читатель отдает себе отчет в том, в какой мере роман носит духовно-автобиографический характер» [4, с. 114]). И развязку «Героя нашего времени» автор называет «негативом развязки жизни автора» [4, с. 114]. Однако соблазненный жизнью Лермонтов, по мнению Зайцева, в последние минуты перед смертью остался все-таки на стороне Света, он избавился от Духа Зла. Та *веселость*, с которой он писал роман и шутил над Мартыновым, покинула его. Его отказ стрелять в Мартынова – это добровольная отдача себя в руки Бога, с которым всю жизнь боролся поэт («И невольно встает вопрос, не было ли в сознательном и беззлобном отказе Лермонтова от выстрела по своему случайному, так легкомысленно им раздражавшемуся сопернику, и вольного самоотдания в руки Бога *Живаго* – разящего, но милосердного?..» [4, с. 115]).

Подводя итог, можно сказать, что основное внимание в текстах, посвященных интерпретации романа М. Ю. Лермонтова, уделяется анализу формы, образу главного героя, исследованию критики произведения предыдущих поколений. Заслуга критиков-эмигрантов состоит в том, что они впервые начали сравнивать произведение Лермонтова с текстами западноевропейских писателей.

Список литературы

1. Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. – 1937. – 28 октября.
2. Критика русского зарубежья. В 2 ч. Ч. 2. – М., 2002. – С. 264.

3. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.»; гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Сов. Энцикл., 1981 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-abc>
4. Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой волны русской эмиграции / Сост. М.Д. Филин. – М., 1999.